

ПРОЕКТ "АНДЖЕЛА"

18+

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

Юлия Васильева
Проект «Анджела»

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Васильева Ю. М.

Проект «Анжелы» / Ю. М. Васильева — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Мария Веснина бросает все - крупную должность в IT-корпорации, Москву, любимого человека - и уезжает, потому что не может простить себе то, что сделала. Но так просто ее не отпустят. Это книга о потере свободы в мире высоких технологий, о стирании понятия "личное пространство" из-за гаджетов и соцсетей, о выборе жизненного пути и ответственности за него, и о любви, которая меняет людей.

© Васильева Ю. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

2 ноября 2016 г. Обед с Феликсом	5
16 января 2017 г. Собрание Феликса	10
26 декабря 2016 г. Отель	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

2 ноября 2016 г. Обед с Феликсом

В этом году в Москве первый снег выпал в середине октября. Мэри вышла из подъезда и с тоской огляделась по сторонам. Мир вокруг был серым, тяжелым, она сразу замерзла, несмотря на теплый пуховик и шерстяной шарф. Мэри стояла на крыльце и не решалась сделать шаг вперед, как будто, ступив с бетонных ступенек на промерзший асфальт, покрытый снежной кашей, она никогда не вернется обратно. Неподъемное небо лежало на голове и давило виски, серость пробиралась внутрь тела, свинец заливался в мозг. Взгляду не за что было зацепиться, ничто вокруг не содержало радости и не могло поднять настроение. В спину ударила железная дверь, толстая тетка с мусорными пакетами в обеих руках злобно буркнула: «Что встала?» и прошла мимо, толкнув Мэри плечом и облив ненавистью. «За что она ненавидит меня? – подумала Мэри с ужасом, – За что? Может быть, там был кто-то из ее близких...» В минувший год концентрация ненависти, поглощаемой Мэри ежедневно, превысила предел терпения и она чувствовала, что больше так не может. В этом городе нет радости, нет света, нет покоя, а есть только тоска и хмурая безнадежность, и выхода не видно.

Мэри надела капюшон и заставила себя спуститься с крыльца. Острая ледяная крупа вонзилась в лицо, как тысяча маленьких пощечин, Мэри вздрогнула, плотнее закуталась в шарф и побежала в сторону автобусной остановки. Каждое чертово утро она думала, зачем вставать с кровати, выходить из дома, вливаться в бесконечный поток людской злобы, отторгающий ее, как вирус, и из дома не выходила, но встречу с Феликсом нельзя было отменить. Они не виделись почти полгода, он слишком долго ждал ее решения.

Феликс был сиятелен, как барин на выезде. Его высокая тучная фигура была облачена в дорогой костюм, из-под пиджака слегка виднелось брюшко.

– Привет, красавица, – он встал и приобнял Мэри за талию, предлагая стул. – Прекрасно выглядишь.

– Спасибо, – дежурно ответила Мэри, создав видимость улыбки на лице.

– Что будешь? Здесь отличный стейк, я себе заказал, тебе не стал, подумал, выберешь сама, – говоря это, Феликс деловито распоряжался предметами на столе, переставлял бокалы, складывал одну на другую лишние тарелки, пока официант мялся рядом и не решался выхватывать у деятельного гостя посуду из рук.

«Откуда у него столько энергии, – с тоской подумала Мэри. – И это вечное стремление подстроить реальность под себя, как же оно меня бесит».

– Мне, пожалуйста, теплый салат с морепродуктами и розовое вино, – сказала она официанту.

– Бокал? – уточнил молодой человек.

– Пока да, – кивнула Мэри. – Хотя несите сразу два. И кофе.

– Я налью вам два бокала в один большой, хорошо? – предложил официант. Мэри кивнула и улыбнулась мальчику, который поспешил ретироваться на кухню.

– Ты опять ничего не ешь, – заботливо, как мамочка, отчитал ее Феликс. – Я переживаю за тебя.

– За себя переживай, – огрызнулась Мэри. – Я разберусь.

Феликс ничуть не обиделся на ее выпад. Никто не воспринимает ее всерьез, впрочем, так было всегда. Официант поставил перед Мэри бокал вина, бокал действительно был большим, из тонкого стекла, на длинной ножке, стекло слегка запотело и отдавало приятную прохладу.

– Ты подумала о моем предложении? – спросил он, разрезая мясо, приготовленное с кровью.

Мэри сделала глоток сухого вина и ответила:

– Феликс, когда ты успокоишься? Найди себе кого-нибудь помоложе, мне так скучно, что зубы сводит, со мной больше нельзя развлекаться. Ну правда. Я давно не такая, как раньше.

– И какая ты теперь? – весело подхватил Феликс. Он любил флиртовать с женщинами и с удовольствием поддерживал любую предложенную дамой игру.

– Злая. Жестокая. Циничная. Постоянно в плохом настроении. Ничего не помню, особенно хорошее. Никого не люблю. Продолжать?

– Удивила, все бабы такие, – пережевывая мясо, ответил Феликс. – Зато ты честная. Умная. Красивая.

– Заткнись, – грубо прервала его Мэри. – За красоту ты все готов простить, но разве это во мне главное? Разве моя ценность ограничивается только красотой? Ты не уважаешь меня совершенно, даже не слышишь слов, еле скрываешь пренебрежение. Ты помнишь, какой я была, когда мы встретились? И кого ты сделал из меня?

– Ты сама это сделала, – твердо перебил ее Феликс. – У тебя был выбор и не перекладывай на меня ответственность. Отвечай сама за свои действия. Ты не хуже меня знаешь, какую ценность представляешь, хватит вымогать одобрение.

Конечно, он прав. Но как хочется назначить виноватым в своих провалах кого-то другого. Мэри сникла.

– А если бы я была некрасивая, ты бы меня любил? – спросила она, в попытке разрядить обстановку.

– Конечно, любил бы, – соврал Феликс, не выдержал и засмеялся от своего наглого вранья. – Любил бы, милая.

И опять Мэри, как всегда, с этим человеком, провалилась в пропасть снисхождения. Ну да, она всего лишь глупая женщина, сделала маникюр перед встречей с ним, уложила волосы и накрасила глаза, встала на шпильки и надела обтягивающее платье, чтобы взгляды окружающих скрещивались над их столиком, как любил Феликс. Ей можно дать поблажку, она на высоте, царица горы, повелительница ночи, и так мало времени осталось для пользования такими конечными ресурсами, как молодость и красота. Но пока она прекрасна, почему ей постоянно кажется, что она ничего из себя не представляет? Почему она так не уверена в себе?

– Я плохо себя чувствую в последнее время, – пожаловалась она Феликсу. – Какой-то совершенно... никчемной.

– Женщине в этом плане проще, – утешил ее Феликс, – никчемность можно оправдать материнством. А мужчина либо миллионер, либо неудачник. Ты так и не надумала рожать?

– Нет. Я не хочу детей. – В голосе Мэри не звучало ни капли сомнения.

– Очень жаль. Такая генетика пропадает. Дай мне хотя бы свои яйцеклетки, я найму суррогатную мать.

– Чтобы ты сделал из моих детей таких же моральных уродов, как ты? Нет, спасибо. Пусть лучше их вообще не будет.

– А вот это уже обидно, – констатировал Феликс, вытирая рот салфеткой, хотя он не обижался никогда. – И кстати о миллионах и твоей ценности, что ты думаешь о моем втором предложении?

Вот ради чего затевалась эта встреча. Мэри знала, о чем пойдет разговор и готовилась к нему, но все равно не смогла сдержать разочарования. Феликс всегда был настойчив и не упускал возможности надавить на нее, вызвать чувство вины, и каждый раз она наивно предполагала, что ей не будет больно.

– Феликс, я не вернусь. Я знаю, что отказываюсь от дела своей жизни. Оно и было ребенком, которого я придумала, родила, поставила на ноги и бросила, и возможно, я отказываюсь от самой себя, но... у меня нет выбора.

Феликс молча посмотрел на нее, огляделся по сторонам, наклонился ближе и почти шепотом спросил:

– Ты. Хорошо. Подумала?

Мэри сидела в оцепенении и Феликс начал говорить торопливо, с нажимом, будто боясь, что Мэри исчезнет из его поля влияния, растворившись в воздухе как Чеширский кот:

– Маша, послушай, сейчас это совсем другая история, это Министерство Информационной Безопасности, ты чувствуешь разницу? Это не бизнес, а гораздо больше, чем бизнес, больше, чем политика – неограниченная власть над миллионами людей, над сотнями миллионов, а началось все в той комнатке университета, помнишь? Помнишь, как ты начала разработку программного обеспечения, которое может найти любые данные, сопоставить их и сделать выводы, как я начал его продавать, сначала ритейлерам, потом банкам, а потом и совсем другим организациям? – Феликс многозначительно поднял глаза к потолку. – Ты помнишь, какие дела мы проворачивали, Маша?

– Это как раз то, что я хочу забыть, – сказала Мэри, но Феликс не слушал ее.

– И ты хочешь похоронить все это из-за одной глупой ошибки? Я теперь министр, Маша, и ты нужна мне, ты часть команды, нет, не так – ты ее источник. Любые деньги, любые связи, доступ к любым данным мира, что тебе еще нужно?

– Я знаю, что тебя назначили, об этом трюндят из каждого динамика, – безразлично ответила Мэри. – Поздравляю.

– Я бы не добился такого положения без тебя, – Мэри почувствовала, что броня Феликса дала слабину, трещину, через которую пробивается искренность, как одуванчик через дыру в асфальте, но долго цветочку на дороге не расти и лицо Феликса опять стало непробиваемым. «Он врет, – напомнила себе Мэри, – постоянно врет».

– Не преувеличивай, я просто делала то, что мне нравилось. Я была этим увлечена. Новые технологии, передача данных, всемирная сеть – тогда все были этим увлечены. Развитием бизнеса занимался ты, и команда – это твоя заслуга, а сейчас, при наличии неограниченных ресурсов ты и вовсе станешь богом, – Мэри выдавила кривую улыбку, как будто лицевые мышцы парализовало, и они отказывались подчиняться. Как она устала улыбаться всяким подонкам.

Феликс посмотрел на нее долгим внимательным взглядом и сдался.

– Что будешь делать? – спросил он.

– Не знаю. Уеду куда-нибудь.

– Куда? Есть такое место, где тебе будет спокойно? Ты же этого хочешь? Покоя?

– Ты хорошо меня знаешь, Феликс. Возможно даже лучше, чем я сама.

– Деньги не предлагать? Ты продала все свое имущество.

Мэри почувствовала знакомый прилив бешенства, который накрывал ее, когда кто-то пытался узнать то, что она хотела оставить при себе.

– Мне надо идти, – сказала она Феликсу, взглянув на экран старенькой Нокии.

Феликс увидел поцарапанный со всех сторон черный пластиковый прямоугольник в ее руке и с горечью в голосе сказал:

– Я все равно тебя найду. Ты же знаешь. Даже если ты будешь пользоваться чужим телефоном, компьютером, документами, кредитными картами, я все равно тебя найду. У меня есть доступ к каждой камере наблюдения в этой стране, и все они будут настроены на тебя.

Это была угроза и Мэри была к ней готова.

– Ну не совсем на меня. На нетипичное поведение. Ты думаешь, я одна в этом мире веду себя нетипично?

– Нетипично себя ведут только психи и гении... Ты думаешь, много среди людей гениев?

– Зато психов предостаточно.

– Да уж, и судя по твоему поведению, ты переметнулась в их категорию.

– Значит, придется вести себя типично, как нормальный человек, – невесело пошутила Мэри. – Задам работенки твоим ребятам.

– Давай, давай, – также притворно отбил мяч Феликс, – кто будет тренировать их лучше, чем ты. Это отчасти твоя технология.

Мэри почувствовала ужасную усталость. От этого разговора, этого человека, его давления и угроз, от этого города и самой себя.

– Отпусти меня, Феликс, – взмолилась она. – Я ничего не скажу, ты же знаешь. Я не помешаю тебе ни в чем. Делай что хочешь, ты и раньше был хозяин жизни, а теперь ты хозяин сотен миллионов жизней. Ты об этом мечтал, а не я, наслаждайся властью, оставь меня в покое, пожалуйста...

– Скажешь, – отрезал Феликс. – Я тринадцать лет с тобой рядом, и я тебя знаю. Скажешь, а еще вероятнее сделаешь, но я найду тебя раньше, чем это произойдет. У тебя есть несколько месяцев свободы... Максимум полгода. В зависимости от того, как у меня пойдут дела.

Свободы... Свободы в этом мире больше нет. Каждый шаг, каждое слово, каждое чувство известны кому-то еще. Тебя найдут в любой точке мира, на необитаемом острове или в диких джунглях, это неважно, и вытрясут из тебя душу. При условии, конечно, что ты кому-то крупно помешал, а если ты обычный человек и заблудился в лесу, собирая грибы, там и сдохнешь.

– Чем будет заниматься твое агентство? – спросила Мэри.

– Министерство, – аккуратно поправил Феликс. – Важными государственными делами. Противодействие терроризму. Вычисление иностранных шпионов. Выявление коррупционеров и взяточников. Поиск опасных преступников. Ну и прочее насаждение духовных скреп.

– Ясно. А на самом деле? Пропаганда и зачистка? Как в старые добрые времена?

Феликса передернуло, его лицо потемнело, и Мэри прикусила язык. Ей стало страшно. Тринадцать лет не прошли даром, она хорошо изучила Феликса за это время. Это был человек волевой, умный, хитрый, стратегически мыслящий и совершенно безжалостный. Он не знал сомнений, решения принимал резко и навсегда, ему были не знакомы ни переживания любящих людей, ни чувство ответственности за близких или подчиненных. Он и ее не любил, хотя всегда утверждал обратное. «Будет ли ему труднее наступить на меня, чем на других?» – подумала Мэри. Она точно знала ответ, так как никогда не льстила себе.

– Ты теперь... – начала Мэри и замялась. Она никак не могла произнести слово «чиновник», словно боялась вылить это ведро дерьма на Феликса, ее друга и единомышленника, любовника и бизнес-партнера, человека, с которым они столько пережили вместе. Окончательно осуществленное слияние «Феликс» и «чиновник» переломает его, перекорежит, вывернет наизнанку, и Феликс никогда не вернется, превратившись в омерзительное бездушное склизкое существо.

– Что ты хочешь сказать? – нетерпеливо спросил Феликс. – Ты передумала?

– Нет, ничего. Спасибо тебе за все, – искренне поблагодарила Мэри и встала из-за стола.

– Маша, подожди, – Феликс встал, чтобы задержать ее. – Присядь, дай мне минуту посмотреть на тебя. Я больше тебя такой не увижу, да? Что ты сделаешь с лицом?

Мэри не ответила. Феликс легонько прикоснулся к ее щеке, поправил волосы.

– Я так люблю твое лицо, Машенька. Я знаю каждую черточку, это все мое, родное. Может, не будешь? – его карие глаза смотрели умоляюще, это затягивало и Мэри с трудом оторвала взгляд. «Он врет. Все они врут», – как мантру повторила она про себя и сняла тяжелую руку Феликса со своего плеча.

– Прощай, Феликс.

– За что ты так со мной? Ты же знаешь, какое мне придется принять решение, – он все еще надеялся ее остановить.

– Не перекладывай на меня ответственность. Отвечай сам за свои действия, – механически повторила Мэри слова Феликса. – Ты был хорошим учителем.

Она вышла из ресторана и выбросила телефон в мусорный бак. Помедлила секунду, чтобы сообразить, где находится ближайшая станция метро, вспомнила, что в соседнем доме.

Нужно сделать несколько быстрых шагов. Мэри почти добежала до ступеней, ведущих вниз, и остановилась, ее вдруг бросило в пот. «Что это? – с нарастающей тревогой подумала она, – что происходит?» Дыхание сперло, все тело затрясло, Мэри поняла, что не может спуститься под землю. «Нужно идти, просто иди вперед, передвигай ноги», – уговаривала она себя и не могла, ей не хватало воздуха, она старалась втянуть кислород, расширяя ноздри и делая глубокие вдохи; ее толкали спешащие люди, Мэри попыталась схватиться за воздух и удержаться на ногах, но схватилась за чье-то плечо, человек подвел ее к перилам лестницы, положил на них ее руки и побежал дальше, Мэри уцепилась за металл и, наконец, почувствовала свои ноги, которые сводило судорогой. Она сползла на ступеньки, подступила тошнота, Мэри заставляла себя сдерживать позывы, но ее все равно вырвало, она разглядела непереваренного кальмара. «Я схожу с ума, ну и пусть, я их не боюсь», – подумала она, встала и пошла прямо в толпу, женщина с безумным белым лицом. Ей казалось, вокруг не люди, а зомби, они смотрят злыми голодными глазами и хотят сожрать, а она совершенно одинокая, беззащитная, беспомощная, немая, ей некуда бежать из-под земли, слева и справа стена мертвых людей. Даже дети и старики в этом городе безжалостны, к ним лучше не подходить близко, даже они сильнее нее. «Я боюсь, мне невыносимо страшно», – призналась она самой себе, но не остановилась, – «они ведь не нападают на своих?» В центре сознания билась мысль, что надо слиться с толпой. Идти вперед, не останавливаясь, а то затопчут, дышать этой агрессией, множить ее внутри себя и выдыхать с еще большей силой, потому что если ты не распространяешь злобу, ты болен и слаб, а больное животное стая должна убить. И самые беспощадные люди это твои близкие, они знают все больные места, бьют точно в цель, не ошибаясь и не промахиваясь, а ты любишь их и не можешь дать сдачи.

Мэри обнаружила себя в вагоне поезда, наверное, ее занесла толпа, кто-то уступил место, может быть, она упала на сидящего человека в полуобморочном состоянии. В одной руке была бутылка воды, в другой влажная салфетка, и не понятно, кого благодарить за эти дары. Мэри вытерла рот и сделала глоток, некоторые люди смотрели на нее, с сочувствием или с любопытством, но большинству было все равно, они не поднимали взглядов от экранов телефонов. «Я снова езжу в метро, – подумала Мэри, – это оказывается не так страшно. Только ехать мне больше некуда». Возвращаться домой было нельзя.

16 января 2017 г. Собрание Феликса

Феликс вышел из черного бронированного джипа и зашел в здание одной из высоток Москвы Сити. Строение выглядело унылой грудой остекленного бетона, по утрам оно глотало людей, как шредер всасывает бумагу, а по вечерам выплевывало исполосованную бессильную требуху. Вокруг него скользнули тени в деловых костюмах. В лифт зашел только один из телохранителей, Феликс не любил рядом с собой чужих людей, тем более в замкнутом пространстве, но оставаться одному было нельзя. Лифт быстро и бесшумно понесся на самый верх.

– Совещание срочно, – кинул Феликс секретарям, уже знавшим, что босс на подходе.

– Кого звать? – быстро уточнил Кирилл, среднего роста худой белесый молодой человек в очечках, личный помощник Феликса. Он давно был в курсе, что Феликс не прощает ни одной ошибки, сделать нужно правильно или никак, и лучше вызвать малый гнев назойливостью, чем большой гнев глупостью.

– Голубева. Терентьеву. Кучинского. – отрывисто прогавкал Феликс, закрывая двери в свой кабинет перед носом Кирилла. – Кофе!

– Ершов нужен? – рискуя остаться без носа, в дверную щель спросил Кирилл.

Феликс поменялся в лице, как будто его скрутила судорога.

– Ершова тоже, – подтвердил он нехотя.

Кирилл посмотрел в сторону девчонок, которые схватились за телефоны. Все знали, что времени у них максимум десять минут, иначе дверь кабинета снова откроется и не поздоровится никому. «Умеет же Феликс подбирать персонал», – подумал Кирилл с усмешкой. Он работал в корпорации почти с самого ее основания, пришел на стажировку в юридический отдел сразу после института, который окончил с красным дипломом. Десять лет назад компания едва набирала тридцать сотрудников, сегодня в штате состояли тысячи человек, и, судя по последним новостям об объединении с Министерством информационной безопасности, цифра эта в ближайшем будущем увеличится до десятков тысяч. Феликс заметил юркого сообразительного парня и сделал его фильтром между собой и всеми остальными, даже самыми «высокими» людьми в компании. «Я на сотом этаже, куда уж выше, – подумал Кирилл. Эта мысль не могла не греть и парень самодовольно ухмыльнулся. – Даже Кучинский на девяносто втором, а вот и он, вспомнишь дерьмо, оно всплывает».

Сева Кучинский вальяжно зашел в приемную и, быстро окинув взглядом пространство, неоригинально заполненное стеклом, кожей и хромированной сталью, упал в кресло. Нужно было ждать остальных, чтобы зайти к боссу вместе. Это был высокий полный мужчина, с неаккуратной, давно отросшей стрижкой, одетый в толстый свитер горчичного цвета с катышками и болтающиеся джинсы. Сегодня поверх свитера он зачем-то надел жилетку.

«Три минуты», – подсчитал Кирилл. Первый, как всегда.

– Мерзнешь? – участливо спросил он, но Сева не ответил, безошибочно просканировав в тоне молодого человека яд.

Всеволод Кучинский занимал должность директора по новым разработкам, задачей его подразделения было постоянное совершенствование программного обеспечения, поиск и внедрение новых технологий. «Наш работодатель – будущее», – вспомнил Кирилл слова Марии Весниной, в любимом кресле которой сидела теперь толстая жопа Кучинского, трансформировавшего фирменный слоган в «Настоящее – наш раб».

– Хоть бы цветочек какой поставили, что ли, – недовольно обратился Кучинский в пространство. – Ничего живого.

«Так, старая гримза здесь, четыре минуты». В приемную вошла Наталья Терентьева, директор по персоналу. Кирилл ненавидел Терентьеву так же, как все остальные сотрудники компании, вынужденные периодически с ней пересекаться. Внешне эйчарша была доброй и

ласковой до слащавости, от нее исходило участие и готовность помочь в решении любых проблем, однако все вплоть до уборщиц знали, что за малейшую услугу Терентьевой нужно будет заплатить, как платят смотрящему на зоне. Грымза была инициатором самых грязных домыслов и сплетен, начинателем подковерных интриг, травли неугодных офисных крыс и покровительницей лизоблюдов. Если надо было кого-то подсидеть, рассорить, столкнуть лбами или унижить, Терентьева и ее ведьмы из отдела кадров были наготове. И только Феликса она боялась, как таракан боится тапочка, хотя Феликс по большей части ее не замечал, считая работу специалистов по персоналу сугубо прикладной в плане оформления бумаг. Но у Грымзы был несомненный талант психолога, что позволяло ей переманивать и удерживать особо одаренных сотрудников других компаний. Она пылесосила рынок труда абсолютно безжалостно, стягивая в корпорацию Феликса лучшие мозги страны.

Семь минут. Кирилл посмотрел на стрелки часов, висящих на стене над столом ресепшен. Осталось три минуты, неужели опоздает? А вот и наш красавчик! Лицо Кирилла непроизвольно расплылось в улыбке, когда распространяя вокруг себя аромат ветивера и пачули, в двери вошел Игорь Голубев, директор по связям с общественностью. Высокий, стройный, подкачанный и красивый, как модель нижнего белья, Игорь подмигнул девчонкам, сладко улыбнулся Грымзе, на которую эта улыбка совсем не подействовала, подал руку вяло ответившему Кучинскому и коротко кивнул Кириллу. Он единственный из всех, не считая Кирилла, выглядел безукоризненно, в модном приталенном костюме, туфлях из змеиной кожи, на рукавах английской рубашки вместо пуговиц запонки в форме львиных голов с глазами-стразами. Игорь принял из рук одной из девушек свежавыжатый апельсиновый сок и благодарно улыбнулся ей.

Ершова не ждали, он единственный мог позволить себе прийти позже, а иногда и не прийти вовсе. Все встали и потянулись к двери кабинета, рядом с которой выжидательно стоял Кирилл, пока старший секретарь говорила Феликсу в микрофон селектора о том, что все в сборе.

– Девять минут, – шепнул Кирилл Игорю, заходившему в кабинет последним.

– Спортзал, – быстро и почти беззвучно пояснил Игорь, выражение лица которого по мере приближения к боссу от веселой улыбки перетекало в энергичную заинтересованность.

Кирилл оглядел другие лица. Грымза пыталась спрятать страх, но не пыталась спрятать заискивание, Кучинский опять ушел в себя. Кирилл посмотрел в широкую спину Игоря и закрыл двери.

Феликс сидел во главе массивного прямоугольного дубового стола, стоящего посередине кабинета и своими линиями повторяющего геометрию стеклянных стен, за прозрачными стенами висел туман. Его лицо было серым и уставшим, под глазами мешки, от сверкающего лоска не осталось и следа.

– Надо ее найти, – сказал он, как только коллеги расселись по местам.

Кучинский поднял глаза в потолок, Терентьева ошарашенно посмотрела прямо в лицо Феликсу, и только Игорь Голубев ничем не выдал своей реакции. Они не видели Марию Веснину давно, она ушла из компании почти три года назад.

– Когда ты видел ее в последний раз? – спросил Кучинский.

– Второго ноября прошлого года, – без запинки ответил Феликс.

– И позволил ей уйти? – вопрос явно был лишним, Сева осекся, но слова уже прозвучали.

– Я не бандит и не полицейский! – мгновенно взорвался Феликс, подаваясь вперед. – Я не хватаю женщин посреди улицы и не тащу их в машину!

Кучинский привычно переждал вспышку гнева и скорректировал вопрос:

– Но можно было сразу установить слежку...

– Вы дали ей фору до конца года, – перебив коллегу, подал голос Голубев. Он единственный из присутствующих не знал Веснину лично, а только со слов Кирилла, но казалось, лучше других понимал мотивы босса. – Это игра?

– Если бы, – протянул Феликс немного спокойнее. – Вы знаете, на кого мы теперь работаем. Как вы думаете, эти люди играют с нами?

Вопрос был риторическим.

– Это последнее, что я для нее сделал, – не ожидая ответа, продолжил Феликс. – Мы все здесь находимся благодаря ей, вы забыли?

Они прекрасно помнили, конечно. Марию сложно было забыть.

– Сева, собери лучших аналитиков и программистов. Пусть занимаются только этим. Ершов поможет тебе во всем, любые данные через любые структуры. Наталья, ваша задача мотивировать персонал, мне нужно, чтобы они жили на работе, спали два часа в день, и снилась им Мария. Если людей не хватит, найдите других, цена вопроса не ограничена. Сделайте так, чтобы они молчали. Привлеките юристов и силовиков. Игорь, замети следы как внутри компании, так и снаружи. Все должно быть тихо. Придумай легенду под этот проект. Я должен знать о ней все. Даже ее мысли. Это понятно?

Заместители закивали головами, и только Сева решился высказать свое мнение.

– Это будет трудно. Перед уходом она стерла все данные. Вычистила в ноль. Ее нет в сети. Документы поддельные. Она изменит имя, внешность, поведение. У нее нет семьи, нет привязанностей, нет собственности. У нее нет личности.

Феликс резко встал, с грохотом откинув тяжелый деревянный стул с подлокотниками, и заорал:

– У нее как раз есть личность! И как бы она не хотела ее скрыть, у нее это не получится! И знаешь что? Маша никогда не говорила, что ей трудно, я не слышал от нее ни одной жалобы за тринадцать лет! А ты сидишь на ее месте, пользуешься тем, что она сделала и говоришь, что тебе трудно? Пошли вон отсюда все!

Присутствующие поспешили последовать приказу Феликса, в дверях они столкнулись с Ершовым, который, не собираясь никого пропускать, намеренно сильно толкнул Голубева плечом.

– Ты судак, – с ходу воткнул в спину Феликсу Ерш. – Ты представляешь, что будет, если она заговорит? Она была с нами в хрущобе и знает все: место, время, людей, у нее есть доказательства!

– Успокойся, – повернулся к Ершу Феликс, – ничего не скажет. Веснина была одним из организаторов, сама себя не сдаст.

– Да кто знает, она шизанутая, – прошипел Ерш, – моралистка долбаная, все в говне, а она в белом! Я говорил, надо ее убрать, она опасна для слишком многих и не таких мелких сошек, как мы с тобой!

Феликс подошел к Ершу вплотную, посмотрел ему прямо в глаза и размеренно заговорил:

– Во-первых, я теперь министр, а мелкая сошка – ты. Во-вторых, я найду ее очень скоро. А если ты найдешь первый, ты ее не убьешь. Если с ней что-то случится... без моего распоряжения, я убью тебя собственными руками, понял?

– Убивал уже, – язвительно протянул Ерш, – первый раз что ли? И убивал, и закрывал. Я за тебя присел, ты забыл? За тебя и наше дело, а теперь ты ставишь под угрозу общий бизнес из-за бабы, сколько тебе лет, министр?

Феликс поставил на барный столик у окна бокал виски, который держал в руке. Сколько ему лет? Когда он познакомился с Марией, с Машенькой, как он называл ее, ей был двадцать один год. Он впервые увидел ее в университетской столовой, худенькая девушка с пластиковым стаканчиком растворимого кофе в одной руке и сосиской в тесте в другой, искала свободный столик. Феликс зашел в столовую случайно, ему нужно было скоротать время в ожидании зна-

когого, что он и делал, с тем же дешевым порошковым пойлом, как у Машеньки. Она сразу, без лишнего кокетства, села рядом с ним, и с аппетитом поедая сосиску, рассказала, что окончила университет по специальности «Программист аналитик баз данных» и осталась в аспирантуре. На факультете она была единственной девушкой, как преподавателя ее никто не воспринимает всерьез, дисциплины на семинарах никакой, но она все равно ставит всем студентам зачеты с первого раза. Машенька рассказывала это с юмором, смеясь над собой, и на протяжении рассказа Феликс думал, что редкие женщины умеют воспринимать себя с иронией. У нее была длинная русая коса, перетянутая простой черной резинкой, тяжелые очки, оставляющие след на переносице, время от времени она приподнимала их и терла переносицу двумя пальцами правой руки; она была одета очень просто, даже бедно, без претензий на красоту или сексуальность. И разговаривала также просто, спокойно, доверчиво, как со старым другом, не имеющим пола или денег. Мне было тридцать три года, – подумал Феликс. – А сыну почти семь.

– Мне сорок шесть лет, Ерш, скоро будет сорок семь. Но не факт, что ты будешь присутствовать на торжестве.

Руководитель службы безопасности Николай Ершов круто развернулся вокруг себя и вышел из кабинета, смачно хлопнув дверью.

26 декабря 2016 г. Отель

Мэри вошла в комнату, закрыла двери и несколько раз повернула ручку замка. Она потянула дверь, чтобы убедиться, что никто не откроет ее снаружи. В комнате было темно, но недостаточно темно для того, что она планировала делать. Мэри подошла к единственному окну, расположенному прямо напротив входной двери, и задернула плотные темные шторы, тщательно разгладив все складки на ткани. Никакого просвета не осталось для яркого солнечного луча, хотя погода с самого начала осени была пакостной и сквозь низкие серые тучи ни один луч солнца давно не пробивался.

Мэри постояла у окна, слившегося со стеной, чтобы восстановить в памяти обстановку комнаты, которую успела зацепить взглядом. Комнатка была очень маленькая, вытянутая в прямоугольник. Большую часть занимала кровать, расположенная у стены слева от входа. У противоположной стены стояла длинная трехэтажная тумба, то ли состаренная специально, то ли сильно потрепанная на самом деле. Рядом с тумбой располагалось большое цветастое кресло в стиле прованс, слева от него был вход в крошечную ванную комнату с душевой кабиной. На тумбе ждали воды или чего-то покрепче два стакана, на полу лежал истершийся ковер бордового цвета. Мэри закрыла глаза, так как в полной темноте зрение ей было не нужно, и прислушалась. Тишина.

Отель находился на первом этаже дома на узкой улочке, сплошь состоявшей из невысоких старинных особнячков. Это была одна из немногих улиц современного мегаполиса, полностью сохранившая застройку восемнадцатого века. Буквально за год все особнячки отрестаурировали, и они выглядели как изысканные разноцветные пирожные розового, голубого, фиашкового цветов, отделанные фигурами и вензелями. Дворы некоторых из них были огорожены витиеватыми чугунными решетками, украшены клумбами и небольшими фонтанами. Окна отеля выходили на пешеходный тротуар и дорогу, но автомобили по этой узкой улочке с односторонним движением ездили редко, единственный представитель общественного транспорта одинокий троллейбус проползал раз в час, а пластиковые окна надежно защищали постояльцев комнаты от скромного уличного шума. Мэри немного развернула голову и еще раз прислушалась к тому, что происходит внутри отеля, но также не услышала ничего, что могло бы ей помешать. Это была самая подходящая атмосфера для того, чтобы вспомнить, она испустила вздох облегчения и наконец немного расслабилась.

Мэри на ощупь, короткими шажками дошла до кровати и села. Она сняла перчатки и отложила подальше от себя, стараясь сделать это тихо и аккуратно. Затем развязала пояс пухового пальто, расстегнула пуговицы одну за другой, сняла его и положила на край кровати рядом с перчатками. Медленно расстегнула один сапог, потом другой, сняла их и приставила к стене. Мэри не могла объяснить себе, почему ей хочется двигаться осторожно, она как будто боялась спугнуть что-то неуловимое, фоном повисшее в этой комнате, любое резкое движение могло расстроить эту почти сложившуюся и оживающую соразмерность, она даже дышать старалась в унисон окружающей ее гармонии тишины и темноты. Без верхней одежды дышать стало легче. Мэри уперла взгляд туда, где при свете должна быть противоположная стена с тумбой и креслом. Она попыталась понять, что чувствует в данный момент, но опять не удалось, и она дала себе задачу попроще – вспомнить, что происходило совсем недавно. С тех пор, как она стала пить таблетки, чтобы изменить свое поведение, запоминать прошедшее было все сложнее. Лучше всего Мэри помнила себя, потому что видела себя сейчас со стороны, сидящую на кровати в темноте и тишине в комнате отеля без названия.

Ее изящные руки с длинными пальцами лежали на коленях. Она была одета в темно-синий мужского кроя пиджак, который сидел мешковато, отчего и без того узкие запястья, выглядывавшие из рукавов, выглядели неестественно тонкими. Колени остро торчали из-под

скромной юбки, какую могла бы носить работница библиотеки неопределенного возраста, ноги в черных колготках, освобожденные от каблуков, отдыхали на мягком ковре. Она сидела согнувшись, как бабка, не имея опоры для позвоночника и не думая о том, что надо держать спину прямо, но даже в такой позе в ее облике сквозила аристократичность, не совсем русская, не породная красота, не изможденная, здоровая стройность. Ее конечности были чуть длиннее, чем нужно для верных пропорций тела; плечи, локти и колени чуть более заточены, щиколотки чересчур тонки. Но она совсем не выглядела субтильной из-за правильной тяжести в груди и бедрах, и румянца на ровном, гладком, отсылающем к извечной небесной славянской красоте лице.

Русые, с пепельным оттенком волосы Мэри были собраны на макушке в тугой пучок, закрепленный шпильками, и, вернувшись на долю секунды в сознание, Мэри почувствовала боль от сильно стянутых волос. Она подняла руки, вытащила шпильки, и с наслаждением запустив руки в серую гриву, растерла круговыми движениями кожу головы, чтобы разогнать кровь. Ее волосы были прекрасны, графитового цвета, длинные, тяжелые, абсолютно прямые, они упали блестящей волной по спине до самой кровати. Мэри понравилось ощущение поднятых рук, она выпрямила спину, вытянула позвоночник, стараясь дотянуться как можно выше, до потолка. По телу побежала кровь вместе с мурашками, она немного развернула корпус налево, потом направо, как бы проверяя, все ли в порядке в ее молодом красивом и здоровом организме. Все конечно было хорошо. Мэри вытянула ноги, потянула кончики пальцев, как балерина, и представила себя в черном вечернем платье с голыми плечами и глубоким декольте, на высоченных шпильках и со сложной прической. Но не могла понять, было это на самом деле или ей только хочется когда-нибудь надеть такое платье.

Внезапно она ощутила какой-то странный, солоноватый вкус во рту. Молнией пришло озарение: она уже была в этой комнате. Кажется, именно за эту тумбу она цеплялась руками, когда что-то мощное и горячее вместе с одеждой рвало кожу и волосы, пачкало все вокруг слюной и слизью, размазывало косметику на лице, натирало между ног мозоли. Но остановиться нельзя ни за что, иначе лопнет голова, или чудовище вгрызется ей в шею и успокоится только от струи крови, бьющей из сонной артерии. Мэри вскочила, побежала вперед в темноте и напоролась на ту самую злосчастную тумбочку. Она начала ее обнюхивать, как животное, а вдруг? А вдруг что-то осталось, высохший белый след, или длинный серый волос, или призрак висевшего здесь звериного возбуждения, осязаемого, как хлебный мякиш, хоть что-то, что позволит ей зацепиться, размотать воспоминание и найти его источник. Она ударилась больно, но не замечала боли, всеми силами стараясь запомнить, что это такое – наполняться сущностью и знать, что все предопределено. И уловила запах – резкий, знакомый, ни на что не похожий запах жидкости, бьющей из женщины, когда она кончает. Мэри прижалась к тумбе, запрокинула голову, но запах исчезал, рассеивался; ей хотелось кричать «нет, нет, не уходи», потому что она почти физически ощутила тепло и силу рук, оставляющих синяки, и горячий ручей, бегущий вниз по бедрам. И все закончилось, она так и не увидела лицо человека, который был с ней в темной комнате, и не вспомнила, когда именно это было и сколько раз. Мэри давно научилась не плакать, когда видения уходили, и она осознала, что опять погружается в пустоту этого мира, в его беспредметность, а главное в абсолютную безучастность, которая была обычной ее реакцией на окружающее. Но в этот раз она не сдержалась, и слезы полились сами собой. Слишком близко было это тепло и так реальна морока, на которую ее тело отозвалось дрожью и сбитым дыханием, и тем обиднее было не удержать видение, потому что так трахаться можно только по любви.

Мэри посмотрела на себя в зеркало, улавливая в новых чертах лица прежние линии. Ее лицо изменилось, нос стал тоньше, а скулы выше. «Я похожа на одну из перекроенных кукол», – с отвращением подумала она. Мэри всмотрелась в свои глаза, она любила их глубокий зеленый цвет, но теперь с помощью контактных линз они стали карими. В зеркале отражалась не она,

а какая-то чужая женщина, пожалуй, даже слишком красивая, почти идеальная, но не живая, с застывшим лицом и неодушевленным взглядом. Мэри вспомнила свою любимую детскую фотографию: она сидит за школьной партой, в белом, сильно накрахмаленном фартуке поверх шерстяного черного платья, с огромными сложносочиненными бантами в заплетенных бабушкой вокруг головы косах и радостно улыбается. У нее счастливое невинное личико, живое, веселое, человеческое, ямочки на щеках, на парте цветы, все ее любят, и ничто не предвещает ужасов взрослой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.